

А. И. Рупасов

О зыбкости политических установок личности в эпоху хаоса. Свен Фабрициус

Первая мировая война и череда революций на завершающем ее этапе выявили немалое число людей с колоссальным потенциалом к действию. Именно к действию, что отнюдь не предполагает обязательное наличие у них сколько-нибудь целостной мировоззренческой системы, политических предпочтений, но допускает значительную подвижность моральных установок. Когда атмосфера хаоса начинает истаивать, часть из них конвертирует заслуги (а нередко и псевдозаслуги) борца во власть, часть расстается с бранным миром, большинство, утрачивая былой пыл, уныло бредут в уже не волнующее их будущее. И остаются немногие, которым дух авантюризма не оставил даже малейшей возможности для успокоения. К числу последних относился Свен Фабрициус, чьи взаимоотношения с Центральной сыскной полицией (контрразведка) и военной разведкой Финляндии, советской дипломатической миссией в Хельсинки и ОГПУ трудно не удостоить эпитета уникальных.

В феврале 1924 г. начальник Выборгского отдела Центральной сыскной полиции Финляндии докладывал руководству в Хельсинки о визите некоего Свена Фабрициуса. Все предложения последнего поставлять интересующую полицию информацию были отклонены, так как в них совершенно определенно высвечивалось желание преувеличить свои заслуги и выбить деньги. Никакими заслуживающими внимания сведениями Фабрициус не обладал¹. Несколько

¹ Kansallisarkisto, Helsinki (далее — КА). Valpo-1. 905. V. Vuoksi Etsivän keskuspoliisin pääosastolle, 24.2.1924.

месяцев спустя в выборгском отделе была составлена справка на Свена Адольфа Фабрициуса, из которой следовало, что этот бывший школьный учитель давно известен полиции как человек, владеющий пером и обладающий большим воображением, в силу чего к его заявлениям следует относиться крайне осторожно. Фабрициус — неисправимый алкоголик, нравственность его далеко не на должном уровне. Именно по этим причинам в полиции ему ранее не обещали никакой твердой оплаты, а только умеренную плату в зависимости от качества поставляемой информации. Никаких, даже самых малых авансов выплачивать ему не следует. В качестве примера сведений, которые ранее Фабрициус представлял, приводился следующий: в Выборге в одном из многоэтажных домов находится центр советского шпионажа. На это ему было отвечено, что подобной информацией в полиции уже располагают².

Чем занимался Фабрициус в последующие два года и где добывал средства к существованию — доподлинно неизвестно. Судя по всему, из поля зрения полиции он всё же не исчезал. 20 января 1927 г. директору Центральной сыскной полиции Эско Риекки³ поступило сообщение, что недели две тому назад из Терийоки в Хельсинки прибыл журналист, бывший учитель Фабрициус, хорошо известный тем, что в свое время участвовал самыми разнообразными способами в «разведывательных затеях», но большую часть времени уделял выпивке⁴. Несмотря на беспробудное пьянство, ему удавалось оставаться корреспондентом ряда газет — «Ilkka»⁵ (под псевдонимом Сулхо Сеппола), «Aamulehti»⁶, «Etelä-Suomen Sanomat»⁷, «Pohjois-Savo», «Etelä-Savo». Агенты полиции отмечали, что написанные Фабрициусом статьи являются произведениями его исключительно живого воображения. В Хельсинки Фабрициус развил бурную деятельность. Ему удалось взять ряд интервью у глав дипломатических миссий Эстонии, Латвии, Литвы. Интервью были 23 января опубликованы в «Aamulehti». Попытался он взять интервью и в представительстве СССР. По информации агентов полиции, полпред И. Л. Лоренц встретил Фабрициуса доброжелательно, но беседовать на указанную тему не согласился, объяснив это тем, что переговоры о гарантийном пакте были прерваны финской стороной, по этой причине публикация интервью о пакте могла быть воспринята как проявление заинтересованности советской стороны в возобновлении переговоров.

² KA. Valpo-1. 905. Etsivän keskuspoliisin Viipurin alaoston päällikölle, 2(?) .7.1924.

³ Об Эско Риекки подробнее см.: *Lackman M. Esko Riekki — jääkärivärväri, Etsivän Keskuspoliisin päällikkö, SS-pataljoonan luoja. Helsinki, 2007.*

⁴ KA. Valpo-1. 905. Ilmoitus N 951, 20.1.1927.

⁵ Основанная в 1906 г. газета, в 1920-х гг. являвшаяся рупором Аграрного союза. Ее главным редактором был Сантери Алкио.

⁶ Выходившая в Тампере газета, основанная в 1881 г., в указанное время была рупором партии «Национальная коалиция».

⁷ Газета выходила с 1914 г., после объединения двух изданий — «Lahden Sanomat» и «Uusmaalainen». Выходила трижды в неделю. В 1920–1927 гг. ее главным редактором был Ялмари Ниemi.

Фабрициус, по сведениям агентов сыскной полиции, приступил к написанию серий статей о польской политике: пресс-атташе миссии Ян Вейнстейн заинтересовался возможностью публикации материалов, выгодно освещающих внешнюю политику Польши и подающих факты о политике Советской России и других соседей Польши в нужном свете⁸. Фабрициус договорился и об интервью с главой китайской миссии, а также в штабе финских ВВС. Более того, вместе с журналистом Эрkki Илмари Лехтоненом он намеревался взять интервью у всех членов социал-демократического правительства. Тот же Лехтонен предложил Фабрициусу взять интервью у директора Центральной сыскной полиции Эско Риекки (последний особо отметил этот факт в тексте документа: «Пуускай приходит, веселый будет разговор!»)⁹.

Тогда же на стол Риекки легло сообщение об интервью, которое Фабрициус взял у министра иностранных дел В. Войонмаа. Публикация этого интервью вызвала крайнее неудовольствие министра, направившего главному редактору газеты «Ilkka» письмо, в котором выражалось удивление, как в его уважаемой газете может работать такой корреспондент, как алкоголик Фабрициус, даже не приславший Войонмаа текста своей статьи для предварительного просмотра (министр явно не задавался вопросом, зачем вообще такому лицу стоило давать аудиенцию). Сотрудники полиции исходили из того, что данный поступок был продиктован тем, что Войонмаа наговорил лишнего, и Фабрициус поспешил сразу послать статью в газету. Когда в конце января 1927 г. по этому поводу редактор «Ilkka» Сантери Алкио обругал Фабрициуса, тот, «по своему обыкновению», в долгу не остался, разразившись потоком резких выражений, и заявил, что прерывает все отношения с «Ilkka». Алкио на разрыв не решился и пошел с Фабрициусом на мировую. В сыскной полиции считали, что данный поступок Алкио диктовался тем обстоятельством, что, хотя Фабрициус и считался самым известным выпивохой в стране, тем не менее оставался и самым способным писакой в том маленьком городке и тех краях, где выходила «Ilkka», а благодаря владению несколькими иностранными языками он мог брать интервью у иностранцев, к тому же у него был очень широкий круг знакомых. Фабрициус был настолько уверен в себе, что даже заявил о желании свергнуть правительство социал-демократа В. Таннера, благо, что во время интервью Войонмаа рассуждал и на тему, к каким мерам правительство прибегнет, чтобы удержаться подольше. Фабрициус полагал, что если он об этих планах расскажет в прессе, то правительство будет выставлено в дурном свете, что будет являться наипервейшим условием для падения.

Согласно рапорту отдела сыскной полиции в Выборге, Фабрициус весной 1927 г. жил у своего отца Хуго Фабрициуса (паровозного машиниста

⁸ KA. Valpo-1. 905. V. Vuoksi. Ilmoitus N 955 Etsivän keskuspoliisin päällikölle, 27.1.1927. Согласно помете директора Риекки, информация была передана посланнику Финляндии в СССР К.П. Артти.

⁹ KA. Valpo-1. 905. Ilmoitus N 955, 25.1.1927.

и владельца дома). Неоднократно по собственной инициативе под предлогом сообщения важных сведений он устанавливал контакты с сотрудниками полиции. В мае даже настаивал на встрече с начальником отдела, но тот от встречи отказался, назвав Фабрициуса мошенником, с которым его отдел не хочет иметь дел. Фабрициус на это ответил, что такая оценка ему понятна, но встреча крайне желательна, однако снова получил отрицательный ответ. В это время Фабрициус рассказывал друзьям, что устраивается на должность завхоза в школе в Таммисуо, близ Выборга, но у знакомых это вызывало сомнения, так как он фактически ежедневно напивался и перебираться из Выборга в Таммисуо не спешил. Однако, по его же собственным рассказам, он посетил советское консульство в Выборге, был принят консулом и имел с ним дружескую получасовую беседу. Консул якобы предложил ему ежемесячную зарплату в размере 4000 марок, но он, Фабрициус, сомневался, принимать предложение или нет, так как подумывал о принятии советского гражданства. Ранее, в январе, жена Фабрициуса уехала в СССР, в Ленинград. По словам самого Фабрициуса, в советском консульстве ему сообщили, что там она была арестована после убийства Войкова, но якобы она охотнее останется в тюрьме (называлось место — Царское Село в Новгородской губернии — sic!), чем вернется в Финляндию. Эти слова Фабрициус истолковывал как пожелание оказать ей помощь в побеге. Именно по этой причине он и обратился к сыскной полиции за помощью. Та обязана была ему помочь, так «так как мы сделали так много на службе ей»¹⁰. Пьяные разговоры Фабрициуса навели слушателей на мысль, что он является агентом ОГПУ. События заинтересовали содержимым его карманов и нашли письма с тайными пометами. Также денег у него, к их удивлению, оказалось достаточно, чтобы вести «хорошую жизнь»¹¹.

Судя по всему, до января следующего года Фабрициус не вызывал особого интереса у сыскной полиции. Однако в середине января 1928 г. он лишился места школьного учителя (проработав всего пару месяцев), так как при поступлении на работу скрыл, что был привлекаем к ответственности за нарушение покоя (а также 8 раз был оштрафован за пьянство¹²). Лишившись заработка, он попытался найти новые источники финансирования. Уже в начале февраля 1928 г. в Выборг поступил запрос из Хельсинки, где стало известно о попытках Фабрициуса добиться личной встречи с начальником штаба расквартированной в Выборге 2-й дивизии, подполковником Э. А. Вихманом, предлагая тому шпионские услуги. Последний отказался продолжать разговор по телефону и предложил Фабрициусу изложить дело в письменной форме. Полицейских чинов удивляло, что хотя у Фабрициуса не было и пенни, не было заграничного паспорта, однако он заявлял, что у него есть советская виза, что он знакомый советского консула Даберта в Выборге и секретаря советского полпредства

¹⁰ KA. Valpo-1. 905. V. Vuoksi. Ilmoitus Etsivän keskuspoliisin päällikölle, 20.6.1927.

¹¹ KA. Valpo-1. 905. V. Vuoksi. Ilmoitus N 630 Etsivän keskuspoliisin päällikölle, 9.8.1927.

¹² В общей сложности им было выплачено более 2000 марок штрафов.

в Хельсинки С. И. Рабиновича. Если подполковник Вихман счел Фабрициуса идиотом, то полицейские предпочитали считать его наглецом¹³.

Сохранилась недатированная машинописная копия одного из информационных сообщений Фабрициуса в сыскную полицию. Судя по содержанию, документ относился к началу 1928 г. Речь в нем шла о предложении поехать в разведывательных целях в СССР. Поездка должна была занять несколько недель — с начала февраля по 10–25 марта, после возвращения из которой он намерен был поехать еще раз — в апреле и оставаться там до середины июля. Маршрут пролегал бы через Ленинград, Тверь, Москву и Новгород. Сообщение начиналось с перечня 18 докладов, которые он обещал подготовить: 1) распорядок дня в советских пехотных казармах, 2) распорядок дня в Тверском кавалерийском училище, 3) задачи поездных агентов ГПУ, 4) подробный разбор одного политического судебного процесса, 5) отношение низшего чиновничества и интеллигенции к монархизму и внешней политике Советской России, 6) отношение крестьянства к ситуации в России и экономическое положение крестьянства, 7) спортивное и иное физическое воспитание в советских школах, 8) «пионеры», 9) факты из жизни кремлевских мужей (повседневная жизнь, родственные отношения, знакомые, интервью об их отношении к оппозиции), 10) агрессивные планы советского военного руководства через Финляндию на Норвегию и Англию, 11) день в советском детском саду, 12) день в народной школе, 13) день в училище, 14) коллекции ленинградского военного музея, 15) электроснабжение Ленинграда, 16) подвижной железнодорожный состав, 17) политический контроль в армии и политическое воспитание, 18) общий обзор внутренней и внешней политики, основанный на впечатлениях от поездки. Выполнение задуманного, утверждал Фабрициус, возможно благодаря родственным связям жены в советском военном ведомстве, на Ленинградской электростанции, в Новгородском отделе ГПУ, а также благодаря тому доверию, которое лично он, Фабрициус, завоевал у советских дипломатических представителей в Финляндии¹⁴.

Этот документ, найденный в кармане пьяного Фабрициуса, послужил основанием для того, чтобы в феврале 1928 г. он был допрошен в Выборгском отделе сыскной полиции. Допросу подвергся и собутыльник Фабрициуса, 19-летний булочник Свен Косонен. Последний, рассказывая о знакомстве с Фабрициусом, сообщил, что тот женат на воспитаннице бывшего полковника князя Оболенского. В это, правда, сам Косонен не верил, считая Фабрициуса шутником и вралем, который несет что попало. На допросе самого Фабрициуса выяснилось, что его первой женой была Найми Элиин, 1892 г. рождения, но в 1926 г. он развелся с ней (инициатором развода была супруга). Однако в том же году он женился в Выборге на бывшей российской подданной Александре Яковлевне Никитиной, 1898 г. рождения (ее первый муж Н. М. Григорьев умер).

¹³ KA. Valpo-1. 905. V. Vuoksi. Ilmoitus N 117 Etsivän keskuspoliisin päällikölle, 3.2.1928.

¹⁴ KA. Valpo-1. 905. Jäljennös kansakouluopettaja Sven Fabritiuksen papereista.

Его вторая жена, ради которой он и ходил в советское консульство в Выборге для получения визы, живет сейчас в Ленинграде у мужа сестры Михеева на ул. декабриста Якубовича. Для самого себя он также хлопотал о визе и получил ее «на неопределенное время» (sic!). Такую визу получить нетрудно, заверял он, если уметь обращаться с ними, т.е. служащими советского консульства. Первый секретарь полпредства Рабинович предлагал ему работать в Ленинграде корреспондентом в «Красной газете». Фабрициус отверг категорически утверждение, что ему в советском консульстве в Выборге предлагали работать за 4000 марок в месяц, а также информацию о том, что он предлагал редакторам газет — прокоммунистической «Kansan työ» и социал-демократической «Suomen Sosialidemokratti» — сведения, порочащие сыскную полицию, сославшись на то, что этот вопрос расследовался самой сыскной полицией в Хельсинки. Что касается найденного у него «предложения» о разведывательной поездке в Россию, то Фабрициус сказал, что он подготовил этот документ для командира 2-й дивизии полковника Харальда Эквиста, но солдат у ворот Выборгского замка не пропустил его. Пришлось дважды звонить Эквисту на дом и один раз начальнику штаба дивизии¹⁵.

Вечером 27 февраля 1928 г. Фабрициус, продвигавшийся по шоссе в направлении границы с СССР, был задержан и заключен под стражу в отделении полиции в Терийоках (он неосторожно поинтересовался в одной из деревень тайными тропами через границу). Документов при нем не было. Его дважды допрашивали начальник подотдела сыскной полиции Э. А. Муурман и следователь Л. Рахикайнен. Они особо отметили в протоколе, что Фабрициус свободно говорит на финском, шведском, русском, немецком языках, понимает французский. Однако уже 29 февраля он был отпущен. На первом допросе Фабрициус категорически отрицал наличие у него намерения тайно перейти в Советскую Россию, на втором допросе он изменил свою позицию. В Ленинграде жила его жена, которую он хотел бы навестить. Составленный в Терийоках протокол допроса зафиксировал другую фамилию жены — Александра Яковлевна Бахвалова, бывшая Никитина (сам Фабрициус упорно настаивал на том, что матерью его жены была княжна Оболенская). О своем намерении тайно перейти границу Фабрициус говорил с проживающим в Терийоках Петром Петровичем Соколовым, хорошо известным в ВЧК/ОГПУ еще с времен Гражданской войны. Фабрициус не знал, в какой организации Соколов служит, но полагал, что тот работает на генштаб Финляндии, так как во время беседы сказал, что может передавать все полученные сведения Финляндскому государству. Кроме того, от некоторых гражданских лиц и из советских газет он знал, что Соколов ранее работал на английскую разведку. Беседа с Соколовым состоялась в декабре 1927 г. Тогда Фабрициус завел речь о том, что в апреле следующего года он либо официально, либо тайно отправится в СССР, где попытается собрать сведения о Балтийском флоте,

¹⁵ KA. Valpo-1. 905. Kuulustelupöytäkirja.

кораблях в Кронштадте и в целом о Ленинградском военном округе, а также об отношении друг к другу оппозиции и власти. Поскольку же он, Фабрициус, оказался сейчас без работы, то он решил предпринять попытку перехода сейчас, а не в апреле.

До задержания в Терийоках Фабрициус подавал заявление в Выборгское губернское управление на получение 5-летнего заграничного паспорта для поездки в СССР к жене. Несколькими месяцами ранее он просил паспорт на 1 год для поездки в Швецию, Латвию и Германию. Из губернского управления последовал запрос в Центральную сыскную полицию. В полученном ответе давалась крайне негативная оценка Фабрициуса. В сыскной полиции считали, что провокаторская деятельность Фабрициуса в случае его поездки в СССР, без сомнений, нанесет вред Финляндии. Такого же мнения был и Генеральный штаб. В силу этого выборгскому губернатору предлагалось отказать Фабрициусу в выдаче заграничного паспорта.

В сыскной полиции были сделаны выписки из своего рода дневниковых записей, которые вел Фабрициус. В частности, он следующим образом записал содержание беседы с начальником Выборгского отдела сыскной полиции Вуокси, состоявшейся 4 апреля. Вуокси сказал ему: исходя из того, что советское полпредство в Хельсинки и выборгское консульство хорошо осведомлены о вашей связи с делами Косо и Бобрищева¹⁶, и что Сипельгас¹⁷ расстрелян в связи с делом Эльвенгрена¹⁸, мы не можем ставить перед вами никаких задач в Финляндии, но предлагаем, чтобы вы с полковником Эквистом установили контакт относительно вашей поездки в Ригу, явились там к министру Лоренцу¹⁹, который пошлет вас затем через Варшаву и Минск в Петроград. В дальнейшем вы будете действовать в Польше, Румынии, возможно, в Чехословакии, основное место — Прага. На это Фабрициус якобы ответил, что не может более принимать предложение генштаба и Центральной сыскной полиции, но поедет в Ригу, так как вел. кн. Николай Николаевич намерен перенести туда свой штаб из Парижа. Но для исполнения тех задач, которые граф Гревениц²⁰ оставил в Хельсинки неосуществленными, Фабрициус потребовал, чтобы ему в либавском Балтийском банке открыли счет на 2 400 000 лат или 320 000 финских

¹⁶ Вероятно, Бобрищев Ардалион Александрович (1879–1940) — в 1922–1923 гг. был военным атташе при полпредстве СССР в Финляндии, выслан вместе со своим помощником А. Лиллемяги (А. Песс) после провала разведгруппы Р. Дроккило.

¹⁷ А. И. Сипельгас-Ольшанский (1885–1937) — агент ОГПУ и финской разведки, с 1925 г. в эмиграции. Автор книги «Записки агента Разведупра».

¹⁸ Полковник Г. В. (Юрьё) Эльвенгрэн (1889–1927) — активный участник Гражданской войны в России и Финляндии, один из руководителей ингерманландского восстания. В 1925 г. нелегально перешел советскую границу, имея румынский паспорт, был арестован и расстрелян.

¹⁹ Имеется в виду Иван Леопольдович Лоренц (1890–1941) — советский полпред в Латвии в 1927–1929 гг.

²⁰ Барон Н. А. Гревениц.

марок, в противном случае отказывался от выполнения каких-либо задач, даже если бы их давали Николай Николаевич или Кирилл Михайлович. На меньшую сумму он не соглашался, «учитывая судьбу Эльвенгрена». Исходя из необходимости обеспечения также безопасности жены в Ленинграде, Фабрициус считал, что его ежемесячные расходы не могут быть менее 400 червонцев. Нахождение в Риге им оценивалось в 12 000 марок в месяц. При этом он напомнил собеседнику, что советское консульство в Выборге предлагало ему *8000 марок* в месяц в дополнение к той сумме, которую *английский генштаб* через Петра Соколова ежемесячно передавал ему, Фабрициусу, в качестве зарплаты. Фабрициус, если верить его записи, шантажировал Вуокси: если до 25 апреля ему не будет дан ответ, то он будет считать себя вправе использовать провокации и против него. Эта запись сопровождалась пометой «Представитель [великого князя] Николая Николаевича в Скандинавии»²¹.

Среди бумаг Фабрициуса осталось и не отосланное жене в Ленинград письмо (или его черновик?), датированное 5 апреля 1928 г., вызывающее у читателя вопросы. Он писал: «К сожалению, должен сообщить тебе, что правительство Финляндии не дает мне разрешения на поездку в Россию. Маннер²² обосновывает это тем, что я, как служивший ранее в генштабе, вполне возможно, после приезда в Россию могу дать ГПУ компрометирующие Финляндию сведения... Поеду в середине недели в Ригу через Москву или Варшаву. Буду в Петрограде 17-го этого месяца и прошу тебя послать мать встретить меня на Николаевском вокзале. Что касается денег, прошу тебя вначале послать по почте в офис судьи Яйяля 2000 марок, если возможно — в финской валюте».

Во время очередного задержания (в середине апреля 1928 г. в Выборге), у Фабрициуса были найдены подготовленные для коммунистической газеты «Туо» статьи. В качестве причины их написания задержанный привел желание заполучить доверие коммунистов и тем самым возможность для поездки в Россию, где он намеревался предстать в качестве коммунистического журналиста. Однако, по его словам, предложение услуг редакции коммунистической газеты завершилось неудачей, ему отказали в сотрудничестве и отказались публиковать принесенные статьи. В том же месяце начальник 2-го отдела Генштаба подполковник Илмари Реландер, отвечая на запрос Центральной сыскной полиции, сообщал: Фабрициус — помешанный, который может доставить армии досадные неприятности. Он рекомендовал воспрепятствовать опасной деятельности Фабрициуса²³. 14 апреля 1928 г. начальник Центральной сыскной полиции Эско Риекки в своем письме министру внутренних дел поддержал точку зрения военных²⁴. И Реландер, и Риекки полагали не лишним провести

²¹ KA. Valpo-1. 905. Jäljennöksiä Sven Fabritiukselta 10/4.28 tavatuista papereista.

²² Арво Вернер Александер Маннер (1887–1962) — губернатор Выборгской губернии (1925–1945).

²³ KA. Valpo-1. 905. V. Relander E. Riekille, 14.4.1928.

²⁴ KA. Valpo-1. 905. E. Riekki sisäasianministeriölle, 14.4.1928.

медицинское обследование Фабрициуса для выяснения того, насколько его можно считать психически нормальным человеком. Имелось желание направить его на лечение. Это удалось осуществить. К 13 мая 1928 г. доктором Вяйнё Ора было подготовлено медицинское заключение (за которое было уплачено 200 марок). Ора констатировал: у Фабрициуса не проявляются четкие признаки душевного заболевания, но вместе с тем он является врожденным психопатом²⁵. Двумя днями ранее, когда Фабрициуса доставляли на медицинское обследование, ему удалось бежать, правда, уже вечером того же дня он был найден полицейскими. Однако Выборгским губернатором было принято решение об освобождении Фабрициуса из губернской тюрьмы (опасный душевнобольной политически не опасен для общества). Отец Фабрициуса заплатил штраф, и Свен был освобожден.

Дальнейшие события оказались не менее интересными.

15 июля в комендатуре № 2 Сестрорецкого погранотряда ОГПУ был составлен протокол опроса задержанного Фабрициуса Свена Петровича. У него были отобраны финский паспорт, две фотокарточки, 21 марка и 75 пенни, 5 рублей совзнаками, кожаный бумажник, перочинный нож, «два остатка карандашей», 2 пачки папирос и 2 коробка спичек, «разная переписка» на 39 листах. Однако нелегальный переход границы не обернулся арестом, напротив, Фабрициус некоторое время свободно проживал в Ленинграде, правда, под присмотром ГПУ. Ему в I ОКРО ПП ОГПУ в ЛВО был выписан паспорт на имя Соломона Петровича Паркинена, при этом была поставлена дата выдачи — 30 ноября 1927 г. В документе указывалось, что его обладатель — вдовец, «уволен вовсе от военной службы по ст. 34 “–” пункта графы 1 приказа РВСР-23 г. № 1090 с исключением с учета военнообязанных». До последовавшего вскоре ареста он проживал в гостинице «Европейской». Сохранилась квитанция, согласно которой 17 июля он заплатил за комнату 5 рублей²⁶. Беспробудное пьянство и болтовня с собутыльниками убедила сотрудников ГПУ, что лучшим местом пребывания Фабрициуса будет не «Европейская», а камера в Доме предварительного заключения. 18 июля он и был в нее помещен. Утешением стало выделение ему 10 рублей в неделю на расходы.

Безусловно, на советской стороне границы Фабрициуса ожидали в силу имевшейся с ним договоренности. Позже, в одном из писем на имя «начальника ГПУ Ленинградского отделения» он прямо напишет, что переписку о переходе границы он вел через консульство в Выборге. Вместе с тем, как сам Фабрициус признавал на допросе в конце июля, детали перехода границы были им обговорены со старшим следователем сыскной полиции из Терийокского подотдела Бромсом и «разъездным агентом Гельсингфорской охраны Карлом

²⁵ KA. Valpo-1. 905. Väinö Ora. Lääkärintodistus, 22.5.1928.

²⁶ Однако сохранился и счет, также датированный 17 июля, согласно которому Фабрициус жил в гостинице «Англетер». За этот день им было уплачено 2 рубля 86 коп. (26 коп. стоила прописка).

Стольтом», а сам переход осуществлялся по заданию разведывательного отдела штаба 2-й дивизии, расквартированной в Выборге²⁷.

На первом допросе следователь заполнил анкету арестованного: Свен Петрович Фабрициус родился 16 октября 1895 г. в Выборге, окончил классическую гимназию и семинарию для учителей; с 1 мая по 1 декабря 1917 г. был учеником в аптеке, в красной армии Финляндии с 15 января по 24 (?) апреля 1918 г.; на военной службе в финской армии с 12 мая по 1 октября 1918 г.; «беспартийный, но сочувствующий коммунистам... агент советского консульства в Выборге». По словам Фабрициуса, он добровольцем еще в декабре 1917 г. записался в Выборге в красную гвардию и затем служил при лазарете, но когда в апреле 1918 г. «всё красное начальство бежало в Петроград», то за день до взятия города белыми он попытался выбраться «в сторону СССР», но попал в плен егерской бригады. Якобы ему удалось убедить егерей, что он бежал от преследования красных, а знание немецкого языка стало причиной того, что его оставили в качестве писаря в штабе бригады. Позже он остался на этой должности и в штабе II дивизии, откуда его командировали в артиллерийскую офицерскую школу, по окончании которой он получил звание капрала. В апреле 1919 г. был уволен в запас. Якобы изготовил для одного красногвардейца паспорт, но так как это было провокацией полиции, то был арестован и до Рождества 1919 г. был под арестом. Однако уже с 1 января 1920 г. оказался на службе в полицейской команде для проверки паспортов на железной дороге (при этом Фабрициус не упомянул, что эта сфера входила в компетенцию одного из отделов генштаба)²⁸. На этой работе продержался несколько месяцев, а с сентября по декабрь 1920 г. уже работал редактором журнала «Koti», но поссорился с издателями «из-за клерикального направления». Поведав следствию о многократных попытках «охранки» завербовать его для слежки за советским посольством, а также о предложении в 1923 г. поехать в советскую Карелию к председателю СНК Карелии Э. Гюллингу в качестве секретного агента финского правительства (в этом случае свой отказ он объяснил желанием охраны его — Фабрициуса — ликвидировать), он уклонился от объяснения, почему к учителю школы для малолетних преступников (работал в ней в 1922 г.) охранка неизменно проявляла свой интерес.

В ходе первых допросов Фабрициус на вопрос о своем социальном происхождении указывал — из дворян. Позже, осознав свою ошибку (упоминание профессии отца — машинист паровоза — не могло не вызывать в этом случае недоумения), а также вспомнив, что находится на территории государства, строящего социализм, он изобретет удивительную автобиографию. В архивных делах сохранилось несколько ее вариантов. Раздел одного из вариантов автобиографии

²⁷ Протокол допроса С. Фабрициуса, 30.VII.1928 г. // Архив ФСБ по СПб. и ЛО. Д. 12379. Т. 3. Л. 365.

²⁸ Об организации генштабом проверок на железных дорогах Финляндии см.: *Hietaniemi T. Lain vartiossa: poliisi Suomen politiikassa 1917–1948. Helsinki, 1992.*

был им назван так: «Я не дворянин. Фамилия Фабрициус». «В старое время крестьяне в Финляндии не имели фамилии. Если кто-нибудь был взят в школу или в солдаты, то чтобы отличить его от других ему давали фамилию, которая часто напоминала на службу отца. Так как отец моего первого предка был кузнец, то ему давали фамилию Фабрициус (слово “кузнец” по латыни *faber*²⁹). Первый предок был *насильно* взят на государственную службу, а следующие тоже были служащие... Тот человек, который по бумагам мой отец — машинист финляндской железной дороги, значит, рабочий... Если еще взять во внимание те обстоятельства, при которых я родился, то моя родословная еще дальше от дворянства. Человек, который по бумагам мой отец, был во время моего рождения солдатом. Не имея средств, мать служила кассиршей в одном ресторане. Хозяин влюбился в мою мать, хотел устроить развод и жениться на ней. Образовалась близкая связь и так родился я в 1895 г. Оказалось, что моя мать сошлась с моим отцом за денежных интересов и что эта связь была поддерживаема ее мужем, солдатом Фабрициусом с целью вымогать деньги у моего настоящего отца Бернарда Лагерстама». Попытки выманить деньги закончились тем, что Лагерстам застрелился³⁰. Изрядно очернив в автобиографии мать и «формального» отца, Фабрициус не обратил внимание на некоторое противоречие: родители дали ему довольно дорогостоящее для них гимназическое образование и в дальнейшем неоднократно помогали материально.

Охотно поведав о своем знакомстве с Петром Петровичем Соколовым, предлагавшим ему стать «разъездным агентом с целями военного шпионажа», Фабрициус, однако, подчеркнул, что не согласился на это предложение. Соколов якобы положительно оценил отказ финских властей выдать заграничный паспорт Фабрициусу, так как данный факт стал бы для Свена «большой рекомендацией у большевиков»³¹.

В рассказах о своей службе в сыскальной полиции Фабрициус также был слохоохотлив. «В первое время³² в мои обязанности входило: проверка паспортов по жел[езной] дор[оге], выявление неблагонадежных лиц, занимающихся распространением коммунистической литературы, и выявление самих коммунистов. Продуктивность и полезность моей работы была соответствующим образом оценена высшим начальством охранки, и я в начале 1921 г. был назначен начальником охранки при министре иностранных дел... в мою задачу как начальника охранки министра иностранных дел входило обслуживание советских представителей в Финляндии. В конце апреля 1921 г. должность начальника

²⁹ Удачнее было бы перевести это слово с латыни как «ремесленник».

³⁰ Протокол допроса С. Фабрициуса, 30.VII.1928 г. // Архив ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее — АФСБ по СПб и ЛО). Д. 12379. Т. 2. Л. 293 — 293 об.

³¹ Там же. Л. 350.

³² Речь шла о 1920 г., хотя ему должно было быть известно, что центральная сыскальная полиция была создана в 1922 г., а те функции, которые ему в то время пришлось выполнять, находились в ведении сотрудников так называемого паспортного отдела Генштаба.

охранки при министре иностранных дел была упразднена, и я в последующее время включительно по август месяц 1925 г. обслуживал Посольство и Консульство СССР в Финляндии по заданию охранки как тайный агент последней. В мою задачу по обслуживанию Посольства и Консульства входило установление негласных сотрудников этих учреждений, ведущих шпионскую работу на территории Финляндии, как вооружены сотрудники данных учреждений, наблюдение за образом жизни как ответственных, так и рядовых сотрудников... Донесения по этим вопросам мною передавались начальнику Выборгской охранки Вальтеру Вуокси³³. Деятельность моя в Фингенштабе заключается лишь в том, что в 1927 году в январе или в феврале по просьбе капитана Пеусти, состоящего на службе в Фингенштабе по VI отделу, мною была написана инструкция по наблюдению за офицерами финской армии»³⁴.

Возможно, первые дни, проведенные в камере, особых тревог у Фабрициуса не вызывали. Не в первый раз ему приходилось попадать за решетку. Однако месяц спустя он написал на имя «многоуважаемого начальника ГПУ Ленинград. отд.» «важное-спешное» письмо, которое будет уместным привести полностью:

«В ДПЗ, 17 августа 1928 г.

Отношусь с почтением к тем членам ГПУ, с которыми познакомился, но все-таки должен покорнейше сообщить следующее:

Что касается моего приезда в СССР, то я перешел государственную границу 15.VII, получив до этого визу от СССР через Выборгского консула, который нашел меня для России политически благонадежным человеком, особенно когда я всю зиму и весну этого года через секретаря консулата давал материал для ГПУ о центральной полиции и т.д. в Финляндии. Через него я посылал письмо с курьерской почтой к Вам и другое к своей жене. Когда я позже встретил секретаря, то он подтвердил, что оба письма получены. В письме, которое адресовано Вам, были предложены с моей стороны услуги и попросил я в ответ или 1) категорический отказ, или 2) согласие приехать нелегально в Россию, чтобы условиться о службе, или 3) чтобы я мог бы в Финляндии посоветоваться с кем-нибудь о деле. Через жену получил письмо, где было сказано: «Мама спрашивает, почему ты ей лично не пишешь, а посылаешь только краткие приветы через меня». Значение этого сочинения было условлено так: «Приезжай немедленно в Россию». Ответ жене найдется в моих бумагах, которые русский кордон у меня конфисковал при переходе границы и который теперь в ГПУ. Содержание ответа подтвердила жена по телефону 10.VII. За легальность моего приезда говорит, по-моему, и ответ того

³³ Остается неясным, по какой причине сведения о посольстве передавались в Выборг, а не в центральный аппарат сыскальной полиции в Хельсинки.

³⁴ Протокол допроса С. Фабрициуса, 26.VII.1928 г. // АФСБ по СПб. и ЛО. Д. 12379. Т. 3. Л. 350–351.

человека из Сестрорецкой комендатуры, который меня встретил с авто в комендатуре в Коркеамяки, когда он мне сказал, что они меня ожидали уже 10.VII. Одинаково то, как меня принимали в Ленинграде, где со стороны ГПУ устроили мне бумаги, чтобы я мог свободно двигаться и дали денег 65 рублей. Таким образом, я считаю, что я в СССР приехал сообщая, т.е. легально и не нелегально, как следователь, которого я знаю под именем “Григорий Александрович” хочет подтвердить. Нужно именно помнить, что я не получил паспорта у финских властей, так как я, по их мнению, для Финляндии опасен, чтобы пустить в СССР и слишком сочувствующий коммунистам. За провинку, что я был выпивши и не явился, как было условлено, 18 июля — в ГПУ, был в тот же день арестован. 19 июля пришел ко мне следователь, которого знаю под именем “Иван Петрович” и сказал, что для того чтобы вчерашний случай не повторился — я должен пока сидеть в ДПЗ и там приготовить тот материал, который знаю и потом начинать настоящую работу. “Иван Петрович” меня убедил, что я могу быть все-таки спокойным, потому что табак и всё то, что нужно, я получу. Также подтвердил мне повыше начальник 10.VIII, который сказал, что то, что нужно для существования — надо устроить. Все-таки я уже больше месяца здесь форменным образом голодаю, так как кушанья не хватает, привыкли курить мои нервы не в состоянии работать без табаку, не имел возможности менять белье, побриться, время для прогулки, не имею одеяла, нет ни простынь, ни полотенец. Я приехал сюда, чтобы пожертвовать свой труд для СССР, а в этих обстоятельствах мои нервы категорически против моего желания откажутся работать. Так как мне своим родным неудобно сообщить, где я, и я без денег, то попрошу мне устроить, пока я должен быть здесь, для каждой недели 2 рубля 10 копеек, которые мне нужны для следующего:

3,5 кило хлеба по 23 коп. кило 80, 5 коп.

0,5 кило сахару по 70 коп. 35 коп.

0,5 кило чаю 25 коп.

14 кор[обок] «Совет» по 14 коп. за кор[обку] 56 коп.

4 кор[обок] спичек 1,5 коп. за кор[обку] 6 коп.

202,5 коп.

Бритые

20 л. бумаги и карандаши 15 коп.

217 [руб.], 5 коп.

Кроме того, попрошу исполнить мою просьбу в пункте 3-м насчет белья и т.д. Для исполнения следующих письменных работ попрошу:

1. Движение белых русских в Финляндии.
2. Характеристики знакомых охранников.
3. Кого и для чего стоило бы вербовать в Финляндии.

4. Интриги охранников между собою.
5. Интриги разных иностранных посольств между собою.
6. Приписка о знакомых охранниках и агент[ах] Генштаба в Финляндии.
7. Газетная пропаганда и полиция.
8. Интриги между римской и греческо-католической церковью.

Если мне, как арестованному здесь, неудобно ГПУ давать деньги, то можно же сказать, что в ГПУ находятся мои конфискованные деньги и их меняют. Так я именно объяснил тот рубль, который мне “Иван Петрович” давал. Согласен или заплатить их обратно деньгами или своим трудом.

Я приехал в СССР, чтобы начать работу под Вашим руководством против финразведки. Вышли все-таки очень большие недоразумения со мною и следователем “Григорием Александровичем”. Эти неприятности касаются тех задач, которые я в Финляндии приготовил, и их технического исполнения. Несмотря на то что большая часть этих задач почти до конца готова и их исполнение только не случилось, потому что я не имел средств для этого и Вашего согласия, еще подчеркну важность их — окончательно окончить. Каждый человек понимает, что не может быть и для СССР без значения следующие задачи:

- 1) Вербовка одного организатора латышской армии.
- 2) Вербовка одного телеграфиста в Выборге.
- 3) Вербовка одного агента центральной полиции.
- 4) Вербовка одного человека для получения карты о минировании Финляндии (жел[езно]дор[ожных] мостов).
- 5) Вербовка одного машиниста как курьера.
- 6) Подслушивание телефона центр[альной] полиции в Выборге.
- 7) Подслушивание телефонной курьерской станции в Ялкала.
- 8) Привезти Соколова сюда.
- 9) Мой архив.
- 10) Квитанц[ия] ингерманландского движения к министру Хакцелю³⁵.
- 11) Секретный архив ц[ентральной] п[олиции] Выборгского отделения.
- 12) Секретный архив ц[ентральной] п[олиции] Терийокского отделения.

Вряд ли мне пришлось напрасно приготовить все эти задачи, так что нужно только самые окончательные меры для их исполнения. Я, как старый сыщик, понимаю, что эти работы имеют значение и для СССР, и попрошу возможности начать свою работу. Например, задача 3 спешная, потому что условлено, что я агенту дам свой ответ до 25.IX. Он служит 9-й год в центральной полиции, и ему было передано следить за русским посольством. Может быть, решение этой задачи ведет к получению той части архива центральной полиции, которая касается русской делегации в Финляндии. Есть у меня план для исполнения этой задачи даже через

³⁵ Андерс Вернер Хакцель (1881–1946) — посланник в СССР (1922–1927), министр иностранных дел Финляндии (1932–1936).

курьера, пока я еще здесь, а именно: опускал несколько писем в Финляндии и получил на них ответы. Таким образом, хочу решить и некоторые другие задачи. Задача 10 докажет, например, что министр Хакцель в одно и то же время был посланником в Москве и участвовал в ингерманландских интригах, теперь он участвует в карельских. Покорнейше прошу, если возможно, исполнить мои просьбы насчет жителя моего, потому что при этих обстоятельствах нервы мои категорически откажут работать. Все-таки, по-моему, что приготовлено, то стоит и кончить. Попрошу начальника познакомиться с докладом о моих задачах, об инструкции для моей командировки, которые перешлю Вам и попрошу, если возможно, позвать меня для личных переговоров, так как окажется, что мы [со] следователем не можем войти во взглядах об этих задачах.

Потом я попросил бы, если возможно, поставить только одного следователя для меня, бывшего со мной всё время, он лучше был бы в курсе дела и лучше понял бы меня. Если возможно, то предлагаю для этого следователя, которого знаю под именем “Ивана Петровича”. Столько я уже сделал в Финляндии приготовлений и устроил связи для исполнения этих задач, что я думаю, что было бы жалко оставить их так, особенно когда для исполнения требуется только возможность жизни для меня.

На моем сердце лежит только желание работать и надеюсь, что гражданин начальник даст мне возможность показать, куда я гожусь, чтобы и я и Вы, оба могли бы быть довольными. Жду ответа как можно скорее.

Уважающий Вас Свен Фабрициус. ДПЗ, 5–5 отделение, камера 176.

П. С. Попрошу обратить внимание на нижние страницы доклада 26.

1) Вербовка организатора латышской кавалерии. Приблизительно 2 года тому назад убежал из Латвии бывший русский кавалерийский полковник за какое-то преступление в Финляндию, где теперь очень нуждается. Согласился бы через меня передавать всё, что знает о латышской армии.

2) Вербовка одного телеграфиста в Выборге. Один телеграфист, который раньше мне доставал содержание телеграмм, согласился бы и теперь.

3) Вербовка одного агента центральной полиции. Служит 9-й год в центральной полиции, но собирается осенью уехать в Америку, потому что в плохих отношениях с начальством. Устроился бы и в России или продавал бы, что знает. Важный потому, что ему в свое время была поручена слежка за Совпосольством в Финляндии. В его руках та часть архива центральной полиции, которая касается посольства.

4) Вербовка одного картографа в землемерной конторе губ[ернского] упр[авления] в Выборге. Достанет по моему желанию копии из каких угодно карт, которые только найдутся в конторе, в которой он служит.

5) Убить Петра Соколова. Приготовлен человек за 5000 марок, который готов убить его. Человек отличался своей хладнокровностью в Красной армии на фронте.

6) Получение карты о минировании жел[езно]дор[ожных] мостов в Финляндии. Мой друг, по образованию садовый архитектор, имеет работу только летом, а зимой живет у своего родственника А., который начальником одной конторы в Управлении жел[езных] дорог Финляндии. За свое кушанье родственнику А. платит он тем, что после конторного времени по вечерам работает в его кабинете, у него в шкафу карта о минировании мостов. Мой друг согласен за условную сумму достать эту карту для фотографирования или даже для взятия копий с ней.

7) Записка всех офицеров финляндской армии. Печатается ежегодно в государственной типографии. Там о каждом офицере сказано 1) фамилия и имя, день рождения, какой год офицером, какой год в последнем чине. Условлено получить у одного знакомого офицера — 1000 финмарок.

8) Движимое имущество железных дорог в Финляндии. Брат за условленную сумму узнает: сколько локомотивов разных типов, товарные вагоны открытые разных типов, товарные вагоны закрытые разных типов, пассажирские вагоны, сколько каждого типа и т.д.

9) Программа школы железнодорожных служащих. 1. Курс, 2. Расписание уроков, 3. Учителя, 4. Работа школ, 5. У брата всё готово.

10) Приказ главного начальника добровольческой армии о том, что требуется для получения чина офицера добровольческой армии. Условлено братом.

12) Снимок терийокской комендатуры — чиновников сразу до Шредера.

13) Архив сыскного отделения министра ин[остранных] дел. 1. Все рапорта, 2. Снимки сыщиков, 3. Рассказ о деятельности, 4. Рефераты, написанные стенографистом о речах правой пропаганды, 5. Квитанция ингерманландского движения к Хакцелю, 6. Квитанция газ[еты] Сунта (Suunta) к <нрзб.>, 7. Письмо Игнатиуса³⁶ к Вагеру, 8. Письмо Кайла³⁷ к Вольфу.

14) Мой архив: 1) задача 11, 2) задача 12, 3) задача 13), 4) снимки 30–40 офицеров, 5) 100 раз[ных] статей польск[ой] проп[аганды] о Польше, 6) 30 разных статей польской пропаганды о России, 7) 25 разных статей поль[ской] пропаганды о Вильно, 8) 10 разных статей польской пропаганды о Галиции, 9) 15 разных статей польской пропаганды о Силезии, 10) моя переписка с политическими лицами, 11) коллекция моих статей, 12) снимки военных статей.

15) Все опубликованные годы журналов — 1) Хаккапелитта³⁸, 2) Suomen Sotilas³⁹, 3) Kannaksen vartio⁴⁰, 4) Rajaseutu⁴¹.

³⁶ Имеется в виду полковник Ханнес Игнатиус.

³⁷ Имеется в виду активист Э. Э. Кайла (1888–1935).

³⁸ Имеется в виду издававшаяся с 1926 г. еженедельная газета шюцкора «Hakapeliita».

³⁹ Имеется в виду издававшаяся с 1919 г. и выходившая 6 раз в год газета «Suomen Sotilas».

⁴⁰ Бюллетень выборгского шюцкора «Kannaksen vartio» («Страж Перешейка»), издававшийся в 1923–1944 гг.

⁴¹ Журнал «Rajaseutu» («Приграничье») выходил с 1924 г. ежемесячно, с 1927 г. — 4 раза в год.

16) Получение снимка всех офицеров в Финляндии. Условлено со знакомыми из следующих гарнизонов в Вильманстранде, Выборге, Тавастгусте, Терийоках, Гельсингфорсе, Рихимяках, Коувола. Уже теперь гарантировано получение [снимков] разн[ых] 850–900 офицеров.

17) Доказать, что посланник Артти⁴² и консул Ауэр⁴³ помогут шпионам <...>.

18) Таблицы генерала Ненонена⁴⁴, чтобы стрелять из пушки на невидимую цель без буссоли. Английское правительство предлагало за это изобретение 10 миллионов марок, но Н. подарил финскому штату⁴⁵. Оригинал таблиц сохраняется в квартире полковника Марьянена⁴⁶, мой друг и начальник штаба береговой артиллерии — найдутся некоторые планы для исполнения...

21) Разрыв Выборгской газовой фабрики (взрыв). В комнате, где машины завода, всегда столько газа, что если оставить открытым огонь (свечку) на 5–10 минут, то обязательно будет взрыв, который взорвет на воздух две большие башни, где собирается газ всего города. Взрыв уничтожит приблизительно ¼ часть города. Исполнение когда угодно в моих руках.

22) Снимки всех начальников добровольческой армии Выборгской губ. Завербован для этой цели канцелярист и обещано 15–20 марок штука, но когда он согласится на это, то, наверное, и на другие задачи...

25) Карточки всех пограничных охранников в кордоне Тапкина. Там экономкой моя бывшая содержанка, так что, посетив ее, я их достану.

26) Общий снимок всех пограничных охранников Терийокского округа в 1924 г. (у меня).

27) Все охранники в Терийоках, которые проверяют паспорта в поездах...

28) Печати всех военных кругов, мобилизации и подпись начальника.

29) Печати всех военных частей с подписью того, кто обыкновенно подписывает письма.

30) Печати всех кронофохтов⁴⁷ с подписью.

⁴² Каарло Понтус Артти (1878–1936) — посланник Финляндии в СССР (1927–1930).

⁴³ Отто Ассар Ауэр (1883–1957) — генеральный консул Финляндии в Ленинграде (1926–1928).

⁴⁴ Вильхо Петтер Ненонен (1883–1960) — генерал-майор (1923), в 1923–1924 гг. был министром обороны, а в 1924–1925 — командующим армией Финляндии.

⁴⁵ Т. е. государству.

⁴⁶ Вяйнё Саломон Марьянен (1886–1962) — полковник, командир 1-го полка береговой артиллерии (1923–1942).

⁴⁷ Фабрициус имеет в виду лиц уездного управления. Коронный фогт (шведск. kronvogt, финск. krunnivohti) — устар., в Финляндии до становления независимости — должностное лицо земской полиции, осуществлявшее уездное управление (наблюдение за соблюдением общественного порядка и безопасности; надзор за исполнением судебных решений и предписаний губернатора; охрана интересов казны в уезде, сбор налогов и иных сборов).

- 31) Печати и подписи всех начальников тюрем и хозяйствей.
- 32) Печати и подписи всех ленсманов.
- 33) Все сыщики криминал-сысского отделения Выборгской полиции с адресом одного знакомого сыщика.
- 34) Снимки сыщиков криманл.⁴⁸ сысского отделения в Выборге...
- 35) Печати губернских управлений.
- 36) Сила кордонов следующих погранохранпунктов: Северн. Обл., Куусамо, Панаярви I, Тутиколя, Вуорикюля, Кюртти I, Кюртти II...
- 37) Подслушивание телефона ц[ентральной] п[олиции] в Выборге. Человек, который согласен убить Соколова — согласен быть телефонистом за 50 марок в сутки плюс квартира, но он со временем желает переехать в Россию. Комнату можно получить в 10 метр[ах] от телефонной линии ц[ентральной] п[олиции] у моего знакомого за 250 марок в месяц. Аппарат старый, аппарат моих родных, провод ¼ мм, одинаковый, <...> и батарей можно купить и технический вопрос очень простой и мне знакомая история.
- 38) Подслушивание телефона курьерской станции в Ялкола. Проще, чем задача 37, потому что там можно получить поблизости комнату с телефоном и через контакт проводов устроить постоянное подслушивание...
- 39–40) Седло полковников Хохентхал–Форссел. Седло считается в Финляндии военной тайной и конструкция его такая, что лошадь будет нести человека так, что тяжести не будет, только на спине, но и на боках...
- 42) Пропаганда — поместить в 20 газетах серию статей, всего 150–200 штук, в которых со статистикой и т.д. ведется пропаганда в пользу СССР...
- 47) Привезти Петра Петровича Соколова сюда...
- 49) Секретный архив Выборгской центральной полиции.
- 50) Секретный архив Териокской центральной полиции.
- Зная, где оба архива расположены и что в Териоках, например, дежурного ночью нет — могу при помощи своих знакомых, которых имею среди преступных элементов, получить архив...
- 52) Устроить взрыв в церкви Николая в Гельсингфорсе, когда всё начальство финской армии там. Когда угодно могу через знакомого псаломщика устроить так, что меня в любое время пустят в церковь. Оставив модель-ключи, я устроил бы место, готовое для взрыва и провел бы провод для зажигания — провода для электрического зажигания за 150 000 финмарок готов устроить до конца — 50 тыс. заплатить тогда, когда всё в порядке, и 100 000 после взрыва плюс принятие в СССР...
- Таких делов у меня приготовлено и, по-моему, стоит их кончить. По-моему, я много не требую, если я до окончания первого дела попрошу

⁴⁸ Криминального.

только то, что человеку нужно и потом условимся, когда увидите, что я в деле показал, что я могу сделать»⁴⁹.

Последний месяц лета и осень 1928 г. ушли у Фабрициуса на написание пространных сообщений о работе финской охранки и финской разведки. Одно из таких сочинений было посвящено «методам финской охраны», при этом особое место им было уделено описанию физических истязаний, применявшихся к коммунистам. Отдельный «доклад» он посвятил деятельности иностранных дипломатических миссий в Хельсинки, но большинство приводимых им сведений относилось к 1920–1922 гг., и, судя по пометам следователей в тексте, интереса они не вызывали. Большой интерес они проявляли в отношении сведений о деятельности организации вел. кн. Николая Николаевича и структуре Центральной сыскной полиции, и Фабрициус максимально пытался удовлетворить их интерес. Правда, большая часть сообщенных им сведений относилась к периоду 1923–1924 гг.

В то же время из-под его карандаша вышел уникальный текст — «Провокация субъективным явлением в государственной жизни Финляндии». Конкретно речь шла о том, как «следующие учреждения замешаны в провокаторскую деятельность»: социал-демократическое правительство и его деятели, штаб главнокомандующего армии, центральная сыскная полиция, польское представительство, церковь и т.д. В основном статья касалась использования в политической борьбе сведений, порочащих нравственный облик того или иного деятеля. Однако и в этом случае приводимые Фабрициусом факты относились к началу 1920-х гг., что также не вызывало интереса следователей.

1 октября 1928 г. на допросе он неожиданно заявил, что все его прежние показания имеют «большую неточность», которую он будет стараться «устранить настоящими и, безусловно, правдивыми сообщениями». Якобы в апреле 1927 г., делая доклад в Выборгском отделении охранки, он заявил, что его многолетняя провокаторская деятельность в отношении советских представительств в Финляндии, в силу того, что она «достаточно расшифрована советскими учреждениями» и ее трудно продолжать, а к тому же она перестала приносить ему лично удовлетворение, поскольку посольство в Гельсингфорсе и консульство в Выборге существенной активности не проявляют, он услышал, что наблюдение всё же следует продолжать. В мае Фабрициус выехал в Хельсинки, где был любезно принят директором Центральной сыскной полиции Риекки, который поинтересовался связями собеседника в Ленинграде и сожалел, что наблюдение за консульством в Выборге придется прекратить. В начале следующего месяца Фабрициус удостоился еще одной беседы с Риекки, предложившим ему поехать в СССР. Риекки якобы сказал: «Если вы расшифрованы перед советскими посольствами, то, значит, о вашей работе знает и ГПУ... нам нужно будет ввести в заблуждение ГПУ насчет вашей принадлежности к охранке, и мы проделаем это в течение нескольких месяцев целым рядом мероприятий». Именно

⁴⁹ Архив ФСБ по СПб и ЛО. Д. 12379. Т. 2. Л. 5–8.

по предложению Риекки Фабрициус и обратился в ноябре за визой в советское консульство. Отказ финских властей выдать ему заграничный паспорт также был инсценировкой, такой же инсценировкой были и аресты полицией зимой–весной 1928 г., о которых широко сообщалось в прессе. Целью было легализоваться в дальнейшем в СССР, не скрывая своей былой принадлежности к охранке, вызвать интерес ГПУ (например, предложением взорвать церковь святого Николая в Хельсинки в день независимости Финляндии, когда в храме соберется всё высшее командование) и стать агентом ГПУ⁵⁰. На следовавших в начале октября ежедневно допросах Фабрициус постепенно расширял перечень заданий, которые якобы были им получены лично от Риекки. Дополнительными деталями он украсил и рассказ о своем знакомстве с Петром Соколовым.

22 февраля 1929 г., командированный из Москвы заведующий следственной частью Верховного суда СССР Гальперин (документы на Фабрициуса были ему высланы в Москву в декабре 1928 г.) допрашивал Фабрициуса. В ходе допроса выяснилось не только знакомство Фабрициуса с Петром Петровичем Соколовым, но и с Петром Пуккела, двумя годами ранее организовавшим побег из СССР сына Карла Фаберже, Агафона⁵¹. Из протокола допроса остается неясным, какого рода информация Фабрициуса оплачивалась Соколовым (были упомянуты только суммы — 300 марок, 150 и 300 рублей). На вопрос следователя, что из себя представляет Соколов, Фабрициус ответил: «Соколов свою роль играет очень хорошо. Он повсюду показывает вид, что очень бедствует, а между тем, будучи [у него], я случайно увидел в шкапу хороший серебряный сервиз и большой серебряный самовар. Уж одно это показывает, что он хорошо зарабатывает».

В ноябре 1928 г. Фабрициусу стало очевидным, что все его заверения о «сердечном желании» работать на благо социалистической страны не являются гарантией сохранения жизни. 25 ноября он направил следователям пространное письмо: «Извиняюсь, что надоедаю вам со своим письмом, но за время ½ года моего пребывания в ДПЗ я так изнервничал[ся], что ищу успокоения в вашем окончательном ответе на мой вопрос, который касается моей жизни и потому меня особенно беспокоит. Больше всего я боюсь, что Верховный суд, если он без процесса рассматривает мое дело, вынесет мне приговор о высшей мере, и что вы оба не будете в возможности выполнить то обещание, которые вы несколько раз давали: гарантировать сохранение моей жизни... Будет ли мне после приговора, пускай он какой ни будет, гарантирована мне жизнь или нет?»⁵² Согласие сыграть роль англо-финского шпиона в целях пропаганды он расценивал как достаточную гарантию. 16 мая он объявил голодовку, требуя прихода прокурора. Но почти сразу отказался от голодовки. Второе сообщение о голодовке Фабрициуса датируется 5 июня, он снова требовал прокурора для

⁵⁰ Там же. Т. 3. Л. 374.

⁵¹ Подробнее см.: Агафон Фаберже в красном Петрограде. СПб.: Лики России, 2012. С. 81–158.

⁵² Архив ФСБ по СПб и ЛО. Д. 12379. Т. 2. Л. 275.

проведения допроса⁵³. В это же время Фабрициус написал заявление на имя финляндского консула. Следователь Гальперин составил обвинительное заключение 19 июля 1929 г. Дело Фабрициуса было назначено к слушанию в *закрытом заседании* Военной коллегии Верховного суда СССР 3 августа 1929 г. В 10 ч. 23 мин. заседание было начато, а в 17 ч. 15 мин. председательствующий П. А. Камерон стал зачитывать приговор. Фабрициуса признали виновным по статье 58–6 УК РСФСР, его ждала высшая мера социальной защиты — расстрел. Однако полтора месяца спустя — 18 сентября 1929 г. ЦИК СССР заменил расстрел на 10 лет лагерей с последующим 5-летним поражением в правах. Интересен тот факт, что согласно справке Управления Соловецких лагерей особого назначения, датой начала отбывания срока упомянуто 2 августа 1929 г. (т.е. день накануне вынесения приговора).

Обращает на себя внимание и тот факт, что за день до решения ЦИК — 17 сентября 1929 г. финская газета «Lapin kansa» опубликовала заметку «Судьба учителя Фабрициуса решится завтра. Советская Россия дала понять, что приговор будет смягчен. Фабрициус утратил рассудок?». В тот же день в «Красной газете» была опубликована заметка под названием «Ленинградским ГПУ ликвидирована финская шпионская организация». Речь шла о недавнем судебном процессе, одним из главных героев которого был «финляндский дворянин Свен Петрович Фабрициус». В связи с его именем упоминался и известный английский разведчик Петр Соколов. Директор сыскной полиции Риекки еще до публикации в «Красной газете» поручил за несколько дней до нее выяснить, о чем шла речь в разговоре с Фабрициусом у Соколова. Выяснилось, что Фабрициус приходил к тому минимум дважды. В первый раз, однако, он был настолько пьян, что беседовать с ним о чем-либо не представлялось возможным. Во второй раз Фабрициус спрашивал, не будет ли ему предложено выполнение каких-либо разведывательных задач после перехода в Россию, и просил денег. Соколов якобы ответил отрицательно, так как знал характер Фабрициуса. О себе же Соколов сказал, что давно разведывательной деятельностью не занимается, а является лишь экспертом, оказывающим услуги Генштабу. Интересно то, что ознакомившийся с рапортом своего сотрудника Эско Риекки начертил на полях знак вопроса возле слов о том, что Соколов не ставил перед Фабрициусом никаких задач и переход последнего в СССР был предпринят не по инициативе Соколова.

30 ноября 1930 г. финская миссия в Москве известила МИД Финляндии, что из Соловецкого монастыря получена почтовая открытка, датированная 17 октября. Отправителем был финский гражданин Степан Микконен. Он сообщал, что 1 октября 1929 г. он был осужден коллегией ОГПУ на 3 года в Соловецкий лагерь и ему следует писать по адресу «Почтово-телеграфное отделение Попов остров, АКССР, IV отделение СЛОН». Интерес, однако, представляло не это, а то, что адрес на карточке был написан рукой Свена Фабрициуса⁵⁴.

⁵³ Там же. Т. 1. Л. 18.

⁵⁴ KA. Valpo-1. 905. Suomen lähetystö Moskovassa Ulkoasiainministeriölle, 30.11.1930.

21 июня 1933 г. финский посланник в СССР А. А. Юрьё-Коскинен сообщил главе МИД об ответе, полученном им от заместителя наркома НКВД Б. С. Стомонякова на свой неофициальный запрос относительно помилования Фабрициуса. НКВД было бы крайне затруднительно обращаться в ЦИК с просьбой о помиловании, поскольку на предпринятую год-полтора назад полпредом И. М. Майским попытку был получен отрицательный ответ. Тогда Майский увязывал помилование Фабрициуса с возможным помилованием в Финляндии одного из руководителей финской компартии Тайми. Проживающая в СССР жена Фабрициуса несколько раз уже обращалась с просьбой о помиловании на имя председателя ЦИК М. И. Калинина. Когда посланник заикнулся о том, что в январе в Финляндии был помилован коммунист Тенхунен, Стомоняков ответил, что эти два дела сравнивать нельзя, советская сторона готова помиловать Фабрициуса только в обмен на помилование Тайми⁵⁵. В начале июля 1933 г. на имя Эско Риекки поступил запрос из МИД Финляндии относительно возможного помилования, содержащегося под стражей в СССР Свена Фабрициуса. Глава сыскной полиции ответил, что Фабрициус представляет собой совершенно деградировавшую личность, его невозможно сравнивать с вождем финских коммунистов Тайми по значимости. Он тайно бежал в 1928 г. в СССР и, в силу этого, по мнению сыскной полиции, у властей Финляндии нет никаких причин предпринимать какие-либо действия для его возвращения в Финляндию⁵⁶.

Из выборгского отдела сыскной полиции 5 марта 1935 г. в Хельсинки поступило сообщение относительно сидевшего в советском лагере Свена Фабрициуса. Посылка сообщения была продиктована получением не подлежащих достоверной проверке сведений о возможной вербовке ОГПУ агентов в Финляндии, так как Свен Фабрициус, как предполагалось, мог дать ГПУ советы и инструкции, основанные на его широком круге знакомств. В качестве ответной платы его родителям было предоставлено право посылать ему в Советскую Россию через полпредство письма и пакеты⁵⁷. Где завершились мытарства неудачливого авантюриста — неизвестно.

References

Agafon Faberže v krasnom Petrograde / Avt.-sost.: A. I. Rupasov, V. V. Skurlov, T. F. Faberže, S. K. Bernev. SPb.: Liki Rossii, 2012.

Hietaniemi T. Lain vartiossa: poliisi Suomen politiikassa 1917–1948. Helsinki, 1992.

Kansallisarkisto, Helsinki. Valpo-1. 905.

Lackman M. Esko Rieki — jääkäriväriväri, Etsivän Keskuspoliisin päällikkö, SS-pataljoonan luoja. Helsinki, 2007.

⁵⁵ КА. Valpo-1. 905. А. А. Юрьё-Коскинен Ulkoasiainministeriölle, 21.6.1933. Речь идет об А. П. Тайми, осужденном в Финляндии на 15 лет. В 1940 г. был освобожден. В 1940–1947 гг. был заместителем председателя СНК Карело-Финской ССР.

⁵⁶ КА. Valpo-1. 905. E. Rieki Ulkoasiainministeriölle, 8.7.1933.

⁵⁷ КА. Valpo-1. 905. Etsivän keskuspoliisin urin osasto Etsivän keskuspoliisin päällikölle, 5.3.1935.

Список литературы

Агафон Фаберже в красном Петрограде / Авт.-сост.: А. И. Рупасов, В. В. Скурлов, Т. Ф. Фаберже, С. К. Бернев. СПб.: Лики России, 2012.

Hietaniemi T. Lain vartiassa: poliisi Suomen politiikassa 1917–1948. Helsinki, 1992.

Kansallisarkisto, Helsinki. Valpo-1. 905.

Lackman M. Esko Rieikki – jääkärivärväri, Etsivän Keskuspoliisin päällikkö, SS-pataljoonan luoja. Helsinki, 2007.